

АГО КЮННАП (Хельсинки)

К ПРОБЛЕМЕ КАМАСИНСКОГО ГЕНИТИВА

Общераспространенным является мнение о том, что в южносамодийских языках есть генитив с окончаниями $-n \sim (>)-t$ в селькупском языке и $-n$ в камасинском.

В двух интересных и содержащих много нового статьях И. Н.-Шебештьен приходит к выводу, что в самодийских языках вообще нет генитива.¹ По ее мнению, говоря о генитиве самодийских языков, авторы описательных грамматик рассматривают эти языки на базе индоевропейского образа мышления и строя индоевропейских языков. Говоря о южносамодийских языках в отдельности, она утверждает, что в селькупских и камасинских парадигмах склонения генитив представляет собой лишь «теоретический падеж» («ein theoretischer Kasus»). И. Н.-Шебештьен пытается доказать, что вместо селькупского генитива на $-n$ мы в действительности имеем дело частично с лативом-локативом на $-n$, частично с локативом на $-n$, вместо селькупского генитива на $-t$ — с номинативом, на конце которого стоит посессивный суффикс 3-го лица ед. числа $-t$, вместо камасинского генитива на $-n$ — с локативом или локативом-лативом на $-n$.² В соответствии с этим она переосмысливает, например, следующие камасинские выражения: (Д) $mān t'ōr' inε|n t'ōru kunda t'o'la-yuñim$ 'ich zerresse die braune Mähne des braunen Pferdes' → (Шебештьен) 'ich zerresse ... dem braunen Pferde [seine] braune Mähne' ($inε$ 'Pferd'); (Д) $ātə|n to'ondə$ 'neben den Weg' (ср. и $āt' |n t'o'ondə$ 'auf dem Wege, unterwegs, auf der Seite des Weges') → (Шебештьен) 'auf den Weg, an seinen Rand' ($āt'$ 'Weg'; послелог $t'o'ondə$ 'am Rande, an, auf, bei').³

Следует подчеркнуть, что действительно есть основания сомневаться, всегда ли правильно (или даже правильно ли вообще) толковать формы так наз. генитива селькупского и камасинского языков как формы генитива в традиционном индоевропейском смысле этого термина. Но это не значит, что падежные окончания вышеупомянутых форм можно

¹ I. N.-Sebestyén, Die possessiven Fügungen im Samojedischen und das Problem des uralischen Genitivs. — ALHung. VII 1957—1958, стр. 41—71, 273—340; ее же, Zum Problem des samojedischen und des uralischen Genitivs. — Commentationes fenno-ugricae in honorem Paavo Ravila (=MSFOu 125), Helsinki 1962, стр. 529—548.

² I. N.-Sebestyén, Die possessiven Fügungen im Samojedischen und das Problem des uralischen Genitivs, стр. 338—339; ее же, Zum Problem des samojedischen und des uralischen Genitivs, стр. 547—548.

³ I. N.-Sebestyén, Die possessiven Fügungen im Samojedischen und das Problem des uralischen Genitivs, стр. 317, 319.

во всех случаях (или хотя бы в большинстве случаев) отождествлять с окончаниями местных падежей селькупского и камасинского языков и с посессивным суффиксом селькупского языка, как это делает И. Н. Шебештьен. Об этом ясно свидетельствуют языковые данные селькупского и камасинского языков, которые и будут рассмотрены ниже.

Падежные формы селькупского и камасинского языков, которые принято считать генитивами, будем и мы условно называть так. Эти формы выступают как в селькупском, так и в камасинском языке довольно часто. Они образуются главным образом от существительных.

В селькупском и камасинском языках налицо два склонения: склонение без посессивных суффиксов, или абсолютное, и склонение с посессивными суффиксами, или посессивное.

В абсолютном склонении селькупского языка есть следующие окончания местных падежей, с которыми или с фонетическим вариантом *-n* которых фонетический вариант *-n* окончания генитива *-n ~ (>)-t* формально совпадает: *-n(š)*⁴ латива, *-n ~ (>)-t* локатива и *-n* локатива-аблатива. Окончания локатива и локатива-аблатива выступают, как правило, только в наречиях. Относительно окончания латива П. Хайду указывает, что его вариант *-n* употребляется только в нарымском диалекте селькупского языка и то лишь в словах, обозначающих одушевленные предметы. П. Хайду напоминает также о том, что употребление варианта *-t* окончания генитива ограничивается тазовским и туруханским диалектами селькупского языка.⁵

В посессивном склонении селькупского языка имеется только одно окончание местного падежа, с которым (? или с фонетическим вариантом *-n* которого) окончание *-n* генитива формально совпадает: *-n[? ~ (<)-gVn ~ -kVn-]* латива.⁶

Следовательно, как в абсолютном, так и в посессивном склонении селькупского языка окончание генитива нельзя отождествлять, по крайней мере в подавляющем большинстве случаев, ни с одним окончанием местных падежей и ни с одним посессивным суффиксом.

Подробнее будут рассмотрены данные камасинского языка. Основы камасинских слов могут оканчиваться как на гласный, так и на согласный. Будем называть их соответственно гласными и согласными основами. При словоизменении может быть или 1) только гласная основа или 2) как гласная, так и согласная, а в единичных случаях и 3) только согласная основа. Слова первого типа будем называть одноосновными, а слова второго типа — двухосновными.⁷

Окончание генитива абсолютного склонения камасинского языка *-n* присоединяется в единственном числе к основе слова, а во множественном — к числовым показателям. При двухосновных существительных

⁴ В тексте статьи и авторских записях камасинского языка применяется вариант финно-угорской транскрипции (ФУТ), разработанный П. Аристе — см. P. Ariste, Eesti keele foneetika, Tartu 1968, особенно стр. 190—196, — с небольшими отклонениями ' и ' — сильный и слабый гортанный смычный; ' — аспирация согласных, например, p', t'; ш — гласный между *u* и *i*; главное ударение слова отмечается лишь при перепервых слогах).

⁵ P. Hajdú, Morphologische Beiträge zur Kenntnis der samojedischen Sprachen. — Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturforschung. Wolfgang Steinitz zum 60. Geburtstag am 28. Februar 1965 dargebracht (= Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen der Sprachwissenschaftlichen Kommission 5), Berlin 1965, стр. 129—131.

⁶ В посессивном склонении селькупского языка у окончания генитива вариант *-t* отсутствует.

⁷ Ср. также А. Кюннап, Показатели множественного числа имен существительных в камасинском языке. — СФУ III 1967, стр. 288—289.

перед падежным окончанием употребляется всегда гласная основа. Например, (К) *ābeze|n* (ген. ед. ч. от *ābes* 'Priester'), *sirāzāṇā|n* ~ *sirāje|n* (ген. мн. ч. от *sirā* 'Schnee'), (Д) *βālyāzā|n* (ген. ед. ч. от *βālyāš* 'Schmutz'), *dāyāzāṇā|n* ~ *dāyāi|n* (ген. мн. ч. от *dāyā* 'Fluss'), (А) *ḵop-
tol|n* (ген. ед. ч. от *koptō* 'девушка, девушка; дочь'), *pa'i|n* 'деревьев' (ген. мн. ч. от *pā* 'дерево'). Только в одном случае К. Доннер поправил окончание генитива, которое встречается в его непосредственных полевых записях в форме *-n*, в более поздней рукописи на *-n°*: *dayajin šān* → *dayajin° šān* 'die Messerscheide'.⁸ Но непосредственная запись должна быть, на наш взгляд, достовернее.

Абсолютное склонение камасинского языка имеет следующие окончания местных падежей, с фонетическим вариантом *-n* которых окончания генитива *-n* формально совпадает: *-n(V)* ~ *-dV* ~ *-tV* латива и *-n(š)* локатива. Окончание локатива выступает только в наречиях. Что касается окончания латива, то следует указать на некоторые обстоятельства.

Окончание латива *-n(V)* ~ *-dV* ~ *-tV* в единственном числе присоединяется к основе слова, а во множественном — к числовым показателям. При двухосновных существительных перед падежным окончанием в подавляющем большинстве случаев употребляется согласная основа. Как правило, к гласной основе присоединяются варианты *-n(V)*, а к согласной — варианты *-dV* ~ *-tV*. Например, (К) *bögel|de* (лат. ед. ч. от *bögel* 'Rücken': ген. ед. ч. *bögele|n*), *sirāzāṇ|de* ~ *sirāje|ne* (лат. мн. ч. от *sirā* 'Schnee'), (Д) *nā'β'd°* (лат. ед. ч. от *nā'β* 'Ente': ген. ед. ч. *nā'βā|n*), (А) *džijē|ne* 'в лес' (лат. ед. ч. от *džijē* 'лес, тайга'), *tužō-i|du* 'корове' (лат. ед. ч. от *tūžoi* 'корова': ген. ед. ч. *tūžō-ju|n*). Внимание привлекают следующие случаи: (Д) *ma'an* 'nach Hause' (от *mā* 'Zelt'), *numa|n uzulem* 'zu Gott betten' (вернее, 'богу молюсь'; от *num* 'Himmel, Wetter, Donner'), (А) *numā|n'južū-bi* 'благословил' (вернее, приблизительно 'небу поклонился'; от *num* 'бог, небо'). Здесь мы имеем дело с двухосновными существительными. Можно предположить, что они выступают в форме латива на *-n*. В таком случае в этих формах использована, как исключение из правила, гласная основа, ср. правильные лативы тех же слов: (Д) *ma'i°* 'in das Zelt', (К) *num|de*. Но следует считаться и с возможностью, что форма *ma'an* — локатив, который ошибочно выступает в лативной функции, ср. действительный локатив этого слова (Д) *mā'an* (< **mā'|kän*). Заметим, что подобные ошибки иногда встречаются, например, (Д) *aspa'a* 'in den Kessel' (в действительности абл. ед. ч. от *āspā* 'Kessel'; < **aspa'a* < **aspa'|ka*), *māiā|yon* 'auf einen Berg' (в действительности лок. ед. ч. от *māia* 'Berg, Felsen, гора, waldbewachsener Berg'; ср. и *māiā|yān* 'auf dem Berge'). Отметим далее, что формы латива на *-n* встречаются довольно случайно, часто параллельно с формами на *-nV*, например, (Д) *māiā|na* ~ *māiā|n* 'auf den Berg' (от *māia*, *māia* 'Berg, Felsen, гора, waldbewachsener

⁸ См. А. J. Jokki, Kai Donners kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik, Helsinki 1944, стр. XLIX, 86, 102. Падежное окончание *-n* формы *dayajin* присоединялось первоначально правильно к гласной основе (**dayajiv|n*), ср. форму генитива в выражении *dāyāi|n p'āiāt* 'Messergriif' (*i* < *ii).

Berg'), $b\bar{u}|nu \sim bu|n$ 'in das Wasser' (от $b\bar{u}$, $b\bar{u}$ 'Wasser, Fluss, See'), $\bar{s}u|nu \sim \bar{s}u|n$ 'in das Feuer' (от $\bar{s}u$ 'Feuer, Licht').

Если иметь в виду, что в абсолютном склонении камасинского языка окончанием генитива является всегда $-n$, с которым всегда употребляется гласная основа, то напрашивается вывод: в абсолютном склонении камасинского языка формы генитива на $-n$ лишь редко и случайно совпадают с формами латива на $-n(V) \sim -dV \sim -tV$, а в большинстве случаев явно отличаются от форм всех местных падежей. Ср., например, (К) $kadere|n$ и $kader|de$ (ген. и лат. ед. ч. от $kader$ 'Flügel'), (Д) $k'urubw|n$ и $k'urup|tə$ (ген. и лат. ед. ч. от $k'urup$ 'Grube'), (А) $t'užo\text{-}ju|n$ и $tužō\text{-}i|du$ (ген. и лат. ед. ч. от $t'užoi$ 'корова').⁹ Небезынтересно указать на тот факт, что приведенные выше формы (Д) $ma'an$, $numa|n$, (А) $numā|n'$, которые выступают в функции латива, сильно походят на действительные формы генитива этих слов: (Д) $ma'a|n$, (К) $nume|n$.

В посессивном склонении камасинского языка вместо номинатива, генитива и аккузатива абсолютного склонения выступает лишь один падеж, который можно условно назвать номинативом-генитивом-аккузативом. У этого падежа нет падежного окончания: посессивные суффиксы присоединяются в единственном числе к основе слова, а во множественном — к числовым показателям. В случае двухосновных слов перед посессивными суффиксами употребляется согласная основа. Например, (К) $üzüzān|de$ (ном.-ген.-акк. мн. ч. с посессивным суффиксом 3 л. ед. ч. от $üzü$ 'Mütze'), (Д) $šürgāt|l'$ (ном.-ген.-акк. ед. ч. с посессивным суффиксом 2 л. ед. ч. от $šürgāt$ 'Ellenbogen': ген. ед. ч. $šurğē\text{-}də|n$), (А) $bē\text{-}yel|bē$ '(моя) спина' (ном.-ген.-акк. ед. ч. с посессивным суффиксом 1 л. ед. ч. от $bē\text{-}gāt$ 'спина': ген. ед. ч. $bē\text{-}gātē|n$). Но особое внимание привлекают два камасинских выражения: (Д) $t'oriyādul\ ma|n|d'$ $nəgəndə\ šalāmbi$ 'ein Menschenfresser kletterte auf das Zelt' (падежная форма ед. ч. с посессивным суффиксом 3 л. ед. ч. от $mā$ 'Zelt': ген. ед. ч. $mā|n$, (<) $mā'd|n$, (<) $mādə|n$ + послелог $nəgəndə$ 'auf, oben, nach oben'), $\bar{s}u|n|d'$ $t'o'ond'$ $nul'd'bi$ 'neben das Feuer stellte sie [ihn]' (падежная форма ед. ч. с тем же посессивным суффиксом от $\bar{s}u$ 'Feuer, Licht' + послелог $t'o'ond'$ 'am Rande, an, auf, bei'). В формах $ma|n|d'$ и $\bar{s}u|n|d'$ явно выступает падежное окончание $-n$. В посессивном склонении камасинского языка есть только одно окончание местного падежа, с фонетическим вариантом $-n$ которого это окончание $-n$ формально совпадает: $-n \sim (? <) -gVn \sim -kVn$ латива-локатива. Но следует иметь в виду, что $ma|n|d'$ — форма двухосновного слова, а $\bar{s}u|n|d'$ — форма одноосновного слова, основа которого содержит лишь один слог. Нами же выяснено, что у таких слов в лативе-локативе посессивного склонения нет форм на $-n$, а есть только формы на $-gVn \sim -kVn$; ср. правильные формы латива-локатива посессивного склонения этих слов с тем же посессивным суффиксом (Д) $ma'and'$ 'nach Hause; zur Zelte' (< $*ma'kan|d'$), $\bar{s}u|gun|d'$ 'ins Feuer'. Как отмечено выше, в посессивном склонении селькупского языка формы генитива отличаются, по меньшей мере в большинстве случаев, от форм местных падежей. Здесь же выступают в качестве отдельных падежей как номинатив, у которого нет падежного окончания, так и аккузатив на $-m$. Например,

⁹ Ср. также А. Кюннап, указ. раб., стр. 288—289.

селькупский (П) *äsä|l*, *äsä|n|d̥i* и *äsä|m|d̥i* (ном., ген. и акк. ед. ч. с посессивным суффиксом 2 л. ед. ч. *-l* ~ *-d̥i* от *äsi* 'отец'). Но часто встречаются и формы типа камасинского номинатива-генитива-аккузатива, особенно при существительных, представляющих собой этимологические соответствия камасинских двухосновых существительных; например, (К) *mat* (ном.-ген.-акк. ед. ч. с посессивным суффиксом 3 л. ед. ч. *-t* от *mat* 'Haus'). Вполне мыслимо, что это результат формального совпадения номинатива, генитива и аккузатива. Эти три падежа могли со временем в известных случаях в результате чисто фонетического процесса все больше и больше становиться формально похожими друг на друга, пока не совпали полностью. Точный ход этого процесса уже невозможно восстановить из-за отсутствия соответствующих данных. Однако укажем для сравнения, например, на наблюдаемый в селькупских диалектах переход окончания аккузатива *-m* в *-n* перед *d* посессивного суффикса, например, (К) *olo|m|d* ~ (>) *olə|n|da* (акк. ед. ч. с посессивным суффиксом 3 л. ед. ч. *-d* ~ *-da* от *ol* ~ *ollə* 'das Obere, Wipfel'). Возникает вопрос: не произошло ли такое же совпадение номинатива, генитива и аккузатива посессивного склонения и в посессивном склонении камасинского языка? Возможно, что формы *ma|n|d̥* и *šw|n|d̥* — реликты генитива посессивного склонения. Следует отметить, что случайные совпадения номинатива, генитива и аккузатива можно наблюдать и в посессивном склонении северносамодийских языков, например, ненец. (Т) *небя|в* (ном.-акк. ед. ч. с посессивным суффиксом 1 л. ед. ч. *-в* от *небя* 'мать'), но ср. *небя|да*, *небя|m|да* (ном., акк. ед. ч. с посессивным суффиксом 3 л. ед. ч. *-да*); энец. (П) *есе|j'* (ном.-акк. ед. ч. с посессивным суффиксом 1 л. ед. ч. от *есе* 'отец'); нганас. (К) *bārba|tu* (ном.-ген. ед. ч. с посессивным суффиксом 3 л. ед. ч. *-tu* от *bārba* 'Herr'), но ср. *bārba|di*, *bārba|n|di* (ном., ген. ед. ч. с посессивным суффиксом 3 л. ед. ч. *-di*). По мнению В. Таули, уральским языкам свойственна тенденция к совпадению номинатива, генитива и аккузатива.¹⁰ Особо отметим такую тенденцию в посессивном склонении прибалтийско-финских языков.¹¹

В заключение вернемся к камасинскому выражению (Д) *dayaïn šän* 'Messerscheide', чтобы на его примере коротко проиллюстрировать наши соображения по поводу разбираемой проблемы. Ничто не мешает в принципе рассмотрению падежной формы *dayaï|n* не в качестве формы генитива (в традиционном индоевропейском смысле этого термина), а в качестве формы латива, как это делает И. Н.-Шебештьен¹², или локатива (лат. или лок. ед. ч. от *dāyāi* 'Messer' : ген. ед. ч. *dāyā.ï|n*).¹³ Почему бы, действительно, не осмыслить данное выражение не как 'ножны ножа', а как приблизительно 'ножны ножу' или 'ножны у ножа'? Но это несколько не означает, что выступающее в форме *dayaï|n* падежное окончание *-n* можно или необходимо отождествлять с фонетическим вариантом *-n* окончания латива *-n(V)* ~ *-dV* ~ *-tV* абсолютного склонения камасинского языка. Правильной формой латива, которая образована

¹⁰ V. Tauli, Structural Tendencies in Uralic Languages (= Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, Vol. 17), The Hague 1966, стр. 13—19.

¹¹ См., например: L. Hakulinen, Suomen kielen rakenne ja kehitys, Keuruu 1968, стр. 95—99.

¹² I. N.-Sebestyén, Die possessiven Fügungen im Samojedischen und das Problem des uralischen Genitivs, стр. 318.

¹³ См. и подстрочное замечание 8.

от слова *dâꞗâi* при помощи падежного окончания $-n(V) \sim -dV \sim -tV$, является не *daꞗaiꞗn*, а *dâꞗâi|d°*.

Если действительно 'ножны ножу' или 'ножны у ножа' окажется правильнее, чем 'ножны ножа', то придется либо найти новое название для падежной формы *daꞗaiꞗn*, либо считать ее формой латива или локатива с самостоятельным падежным окончанием $-n$. Но в таком случае все зависит в конечном счете от целесообразности: грамматическая терминология уральских языков в целом, как известно, далека от идеальной.

Совсем иной проблемой является происхождение тех форм в уральских языках, которые принято считать (или часто лишь называть?) генитивами. Эта проблема в настоящей статье не затронута. Укажем лишь, что формы так наз. генитива в селькупском и камасинском языках происходят, по всей вероятности, от единого падежа южносамодийского праязыка с единым падежным окончанием $*-n$. Для окончательного решения проблемы нужно еще много времени и труда.

Сокращения

А — данные по камасинскому языку, записанные автором настоящей статьи; **Д** — данные по камасинскому языку, записанные К. Доннером, в труде А. J. Joki, Kai Donners kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik, Helsinki 1944; **К** — данные по нганасанскому, селькупскому и камасинскому языкам, записанные М. А. Кастреном, в трудах А. Schiefner, M. Alexander Castrén's Grammatik der samojedischen Sprachen, St. Petersburg 1854; его же, M. Alexander Castrén's Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen, St. Petersburg 1855; **П** — данные по энецкому языку, записанные Г. Прокофьевым, в труде Языки и письменность народов Севера I, Москва—Ленинград 1937; **Т** — данные по ненецкому языку, записанные Н. Терещенко, в труде Н. Терещенко, Ненецко-русский словарь, Москва 1965.

AGO KUNNAP (Helsinki)

ON THE PROBLEM OF THE GENITIVE IN KAMASSIAN

It is widely believed that there is a genitive case in the South Samoyede languages, its ending being $-n \sim (>) -t$ in Selkup, but $-n$ in Kamassian.

In two very thorough articles I. N.-Sebestyén comes to the conclusion that there is no genitive whatever in the Samoyede languages (see Footnotes 1 and 2). She seeks to prove that the so-called genitive in Selkup and Kamassian is as a matter of fact represented by certain local cases in those languages.

In the present article an attempt is made to show that the so-called genitival ending $-n$ of the absolute declension in Kamassian seldom and only fortuitously coincides with the phonetic variant $-n$ of the lative ending $-n(V) \sim -dV \sim -tV$ of the absolute declension. It is further suggested that relicts of the so-called genitival ending $-n$ may have survived in the possessive declension of Kamassian, although only the so-called nominative-genitive-accusative is usually employed there, which could be regarded as the result of a coincidence of the primary nominative, so-called genitive and accusative.

The present author believes that there is nothing to prevent us from regarding, e. g. the case form *daꞗaiꞗn* in the Kamassian expression (Д) *daꞗaiꞗn s̄ən* 'Messerscheide', not as a genitive, but as a lative form (as is done by I. N.-Sebestyén) or as

a locative form (of the word *dāyâi* 'messer'). Indeed, why could this expression not be interpreted something like 'sheath for a knife' or 'sheath on a knife' instead of 'sheath of a knife'? This does not mean, however, that the case ending *-n* in the form *dayai|n* could or should be identified with the phonetic variant *-n* of the lative ending *-n(V) ~ -dV ~ -tV* of the Kamassian absolute declension. The regular lative form of the word *dāyâi* produced by means of the lative ending *-n(V) ~ -dV ~ -tV* is not *dayai|n* but *dāyâi|d*. If it should indeed turn out that the interpretations 'sheath for a knife' or 'sheath on a knife' are more correct than 'sheath of a knife', it will be necessary to find an entirely new name for the case form *dayai|n* or to view it as a lative or a locative form containing the separate case ending *-n*.

The origin of the case forms that are regarded as (or are often merely called) genitival forms in the Uralic languages constitutes a completely separate problem.